

Глава 9. Чёрная роза 08

Чэнь Шаньвань ничего не заметил.

Он ещё пару секунд посидел на корточках, колеблясь, и уже собирался сказать, что тогда пойдёт вниз, как вдруг изнутри раздался вежливый, мягкий голос:

— Не мог бы ты немного побыть со мной?

Чэнь Шаньвань замер.

Тон того, кто говорил изнутри, был немного неестественно медленным, но из-за мягкости звучания это почти не бросалось в глаза, казалось лишь, что говорит спокойный, мягкий и неторопливый человек.

Такой, к которому невольно проникаешься доверием.

— Я... уже очень давно ни с кем не разговаривал.

Голос внутри не звучал жалобно, но слова сами по себе вызвали сострадание. Особенно последняя фраза, произнесённая будто в насмешку над собой:

— Уже почти забыл, как это — разговаривать.

Что-то болезненно кольнуло у Чэнь Шаньваня в груди.

Он сжал губы, но так и не поднялся.

Он не верил ни в духов, ни в демонов, поэтому просто развернулся, прислонился спиной к двери, прижимая к ней желтоватые бумажные талисманы-обереги.

— Тогда я немного побуду с вами. — сказал он.

И добавил с лёгкой усмешкой:

— Только вы не выдавайте меня своим родным... Всё-таки они запретили мне сюда подниматься.

— ...Не бойся.

Тот, кто был за дверью, внимательно смотрел на преграду, к которой не мог прикоснуться. Его дыхание стало напряжённым, рука в чёрной кожаной перчатке непроизвольно поднялась.

Движение подняло лёгкий ветер, и приклеенные на двери талисманы слегка дрогнули. Одна из бумажек скользнула по его пальцам и в тот же миг его рука рассыпалась.

На пол пролилась густая чёрная жидкость, перемешанная с обрывками лепестков и шипов. Одежда на нём тоже оказалась забрызгана.

Боль была, безусловно, адская.

Но лицо оставалось безразличное выражение.

Из обрубка руки быстро прорастали новые шипы, формируя подобие костей, но только костей, без плоти.

Он пошевелил пальцами, не обращая внимания на чудовищную, безобразную наготу своего тела. Просто холодно и безэмоционально смотрел на дверь, что мешала ему увидеть Чэнь Шаньваня, и беззвучно усмехнулся.

Не спеши.

Он наклонился, поднял с пола уцелевшую перчатку и небрежно натянул её.

Его чёрные, бездонные глаза сверкнули холодом и скрытой злобой, но выражение лица стало мягче, уже не такое застывшее, как прежде. Пусть и безумное, с налётом одержимости, но не механическое.

Тени шипов, опутавшие Чэнь Шаньваня, сжались сильнее. Это была часть его самого — бесполезная часть. Они не могли касаться Шаньваня, только передавали ему слабейшие, едва уловимые ощущения, исходящие от человека.

Даже если ощущения и запах доходили до него с огромной потерей, эти редкие, почти неуловимые крупички вызывали в нём такое неистовство, что он готов был содрать с себя кожу, лишь бы вкусить их до последней капли.

Никакие талисманы не могли удержать его.

Особенно если его человек — такой мягкий.

Такой мягкий, что даже он сам порой вздыхал от этого.

— Господин Чэнь, а что вы изучаете? — спросил голос за дверью.

— Я? — переспросил Чэнь Шаньвань. Он не удивился, что ТОТ знает, что он студент. — Я изучаю древние письмена.

— Ох.

Чэнь Шаньвань удивился скорее тому, что тот знает о таком направлении.

— То есть, — продолжил тот, — вы, должно быть, изучаете и тексты, связанные с жертвоприношениями, верно?

Чэнь Шаньвань приподнял брови:

— Господин, откуда вы знаете?

— Мне просто интересно. — тихо усмехнулся ТОТ за дверью. — Всё равно делать нечего и мне часто бывает скучно. Вот и читаю книги, пытаюсь понять, что нарисовано на этих талисманах на двери... Только вот до сих пор так и не понял.

Чэнь Шаньвань замолчал и повернул голову, глядя на талисманы, висящие рядом с его щекой.

Он ничего не успел ответить, как голос снова спросил:

— Господин Чэнь, вы знаете, что означают эти талисманы?

Чэнь Шаньвань на мгновение задумался, стоит ли ему говорить правду.

Он поднял руку, аккуратно коснулся бумаги и, помедлив, сказал:

— Это... для того, чтобы благословить вас.

Ожидаемый ответ.

ТОТ за дверью опустил взгляд, но не проявил ни малейшего раздражения от обмана. Наоборот, уголки его губ мягко изогнулись.

Какой же он добрый...

Мой человек всегда такой мягкий.

Подумал он.

— Вот как. — произнёс он тихо.

Он не стал разоблачать ложь и не задал лишних вопросов. Если Чэнь Шаньвань сказал, что талисманы для благословения, значит, пусть так и будет.

В конце концов...

Именно благодаря этим талисманам он снова смог ощутить его теплоту и доброту, пусть и через преграду.

— Спасибо.

Совесть Чэнь Шаньваня кольнула его. Вдруг то, как он относился к Юй Синь и другим, перестало казаться правильным.

Он ведь думал, что они заботятся о нём. А оказалось...

Сидя в темноте, он смотрел в пустоту и думал: как же так можно?

Больные ведь тоже страдают. Как можно обращаться с человеком, будто он злой дух?

Телефон в его руке слегка завибрировал. Он взглянул на экран, оказалось это пришло сообщение от Юй Синь.

Она спрашивала, что случилось.

Чэнь Шаньвань рассказал, что подъёмная платформа сломалась, и вскользь упомянул об этом тому, кто был за дверью:

— Госпожа Юй написала мне.

[Юй Синь: Сломалась? Тогда я сейчас же найду мастера, пусть починит.]

[Чэнь Шаньвань: Хорошо.]

— Она сказала, что пришлёт кого-то починить кухонный лифт. Наверное, сегодня. — пояснил он.

Глухой холодный голос за дверью отозвался:

— Хорошо. — А потом, чуть тише, почти с тревогой добавил, — А если сегодня не никто не придёт?

В его тоне послышалась едва заметная жалоба:

— Просто я... немного голоден.

Чэнь Шаньвань замер.

Он посмотрел на щель внизу двери и на глаз прикинул, сможет ли туда что-то пролезть.

Когда в поле зрения вдруг мелькнули тонкие, светлые кончики пальцев, «его» зрачки заметно дрогнули. Терновые ветви, заполнившие всю комнату, почти потеряли контроль и рванулись вперёд, чтобы обвить эту руку, но Чэнь Шаньвань лишь прикинул расстояние и тут же отдёрнул ладонь. Шипы метнулись в пустоту.

Чэнь Шаньвань не заметил этого:

— В рюкзаке у меня есть немного печенья. Кажется, оно сможет пролезть. Хотите, я передам вам?

— ...

— Хорошо.

«Он» наступил ногой на собственные, судорожно извивающиеся терновые ветви, стремившиеся вырваться наружу. И хотя Чэнь Шаньвань не видел этого, на «его» изломанном лице сохранялась мягкая улыбка. Но под ногой не было ни капли жалости, лишь хруст и боль, и часть тела обратилась в крошево.

Боль накатила волной, но «он» не дрогнул ни на мгновение.

Лишь взгляд, брошенный на ту дверь, перестал быть спокойным.

В этих тёмных, мутных глазах смешались безумное вожделение и жутковатая нежность, такая, от которой по спине ползут мурашки.

То была «ласка» ядовитой змеи, слишком извращённая, чтобы внушать доверие.

«Он» мягко произнёс:

— Прости за беспокойство.

Чэнь Шаньвань спустился вниз, туда, где хоть немного было света.

Тень от шипастых лоз, что цеплялась за его лодыжку, бесшумно растаяла.

Он достал из рюкзака маленькие упаковки печенья и просунул их в щель той двери, что была вся заклеена жёлтыми талисманами.

Печенья было немного — всего две упаковки.

Но ведь этот рюкзак Чэнь Шаньвань носил с самого начала средней школы, он принадлежал ему долгие годы. Пусть и стирался бесчисленное количество раз, всё равно хранил в себе его дыхание, его след. Для «него» этого было достаточно. Пропитанные этим запахом печенья становились лекарством, хоть немного утоляющим голод.

Чэнь Шаньвань написал Юй Синь, и спросил, когда мастер сможет прийти и починить механизм.

Ответ был коротким: мастер занят, придёт только завтра.

Чэнь Шаньвань поморщился.

Он не знал, что ответить, и только нахмурился, напомнив Юй Синь, что сейчас — лишь середина дня. Это значит, что тот человек наверху останется без ужина и завтрака.

[Юй Синь: Ну, что я могу тут поделать.]

Чэнь Шаньвань: «.....»

Он нахмурился ещё сильнее.

Он посмотрел на заклеенную дверь, и хоть и колеблясь, всё же сказал:

— Господин... госпожа Юй сказала, что мастер придёт только завтра.

— ...А.

Из-за двери донёлся приглушённый, словно потерянный голос:

— Тогда что мне делать?

У Чэнь Шаньваня защемило сердце.

Он прикусил губу, глядя на дверь, в поисках выхода:

— Господин, у вас в комнате есть верёвка? Если вы откроете окно и спустите её вниз, я смогу передать еду.

— Окно тоже наглухо заколочено.

Одним словом, «он» отрезал все пути.

Но затем, будто желая утешить, мягко добавил:

— Ничего страшного. Может, механизм просто заел от старости. Попробуй ещё раз — вдруг заработает.

Чэнь Шаньвань только вздохнул про себя.

Хороший человек. — подумал он. — Даже в такой ситуации, всё равно старается подбодрить.

— Хорошо. — ответил он. — Тогда я попробую ещё раз.

Сказав это, он спустился вниз.

Наверху было слишком темно, и ему там было не по себе.

Он не любил мрак, в темноте он не чувствовал себя в безопасности.

Дойдя до первого этажа, Чэнь Шаньвань нажал кнопку подъёмного механизма.

Тем временем ТОТ, кто всё это время с удовольствием наблюдал за его растущим беспокойством, наконец отозвал свои силы.

Терновые ветви, мёртвой хваткой державшие зубцы, мгновенно отступили. Механизм ожил, и подъемная площадка вновь пришла в движение.

Глаза Чэнь Шаньваня округлились:

— О!

Он радостно улыбнулся и поспешил наверх, чтобы крикнуть:

— Господин! Видите? Площадка заработала! Вы не останетесь голодным!

Он был так рад, что даже забыл о вежливости.

Но именно в эту минуту Чэнь Шаньвань выглядел по-настоящему молодым, живым, тёплым, не тем преждевременно повзрослевшим, чересчур сдержанным мужчиной.

А раз уж «нарушил правила», то и ладно, подумал он, и добавил:

— Вы любите клубничный молочный коктейль? Я как раз сделал один, хотел угостить вас, но платформа застрял. Правда, прошло уже много времени, может, он уже растаял...

Хотя он и держал его в холодильнике.

— Люблю. — ответил «он».

Голос прозвучал мягче, в нём появилась тёплая улыбка, будто отражение радости Шаньваня.

— Спасибо.

Чэнь Шаньвань спустился вниз, достал стакан с клубничным коктейлем и поставил его на платформу, чтобы отправить наверх.

Он задумчиво посмотрел на поднимающуюся площадку, потом снова пошёл на третий этаж.

— Господин. — позвал он.

— Знаете... я ведь даже не спросил, как вас зовут?

Он понимал, что не стоило спрашивать.

Но вдруг ему почему-то стало важно узнать, как того зовут.

Ответа не последовало.

Зато из щели двери выдвинулась карточка.

При свете телефона Чэнь Шаньвань рассмотрел её.

Эта карточка отличалась от прежних — чёрная, плотная, на ощупь будто гладкий камень. Буквы — тиснёные, золотые, но с лёгким, странным отливом тёмно-синего.

На ней было всего два иероглифа, выведенных ровно и с силой, будто вырезанных прямо в чьей-то душе, на чьих-то костях:

[Юй Суй]

* 俞 随 (yù suī) - обр. «Тот, чей взгляд застыл в душной тьме»

И вслед за этим послышался низкий, хрипловатый голос, будто ветер, пронизанный песком:

— Суй... Юй Суй.

<http://bllate.org/book/12897/1133581>